

Миграционная рискогенность как глобальный вызов современности: Россия и Европа

Фахрутдинов Р. Р., Панченко О. Л.

Аннотация: В статье осуществлен сравнительный анализ процессов управления миграционными рисками в странах Европы и в России, на материалах нескольких кейсов. Авторами обоснована рисковая парадигма как научный подход к изучению миграционной ситуации на территории принимающих сторон, проведен анализ концепций в области управления миграционными рисками, форм социальной работы с мигрантами, исследовательских стратегий в области миграции, различных методических направлений работы с мигрантами. Отмечается схожесть проблем, порожденных миграционными рисками, в России и Европе.

Ключевые слова: миграция, миграционный риск, адаптация, прогнозирование риска

В современном обществе возрастают риски, приобретающие глобальный характер. К глобальным рискам можно отнести те из них, которые охватывают, как минимум, несколько страновых пространств и обладают схожестью влияния на их развитие, в виде возникновения различного рода глобальных проблем. К такого рода рискам возможно отнести миграционные риски, обусловленные нарушением социальной, культурной, политической и правовой стабильности региона ввиду притока мигрантов и отсутствием должного внутривнутриполитического регулирования. Риски миграции являются глобальными, поскольку в одинаковой степени присущи различным макрорегионам мира, включая Россию и Европу. Они ставят под угрозу стабильность этих регионов. Приток мигрантов уже сегодня вызывает рост многих социальных проблем, и в перспективе может стать неуправляемым. Это выдвигает необходимость консолидации усилий государств по решению данных проблем и ответа на миграционные вызовы. С этой целью необходим мониторинг исследовательского опыта и его рефлексия. В данной статье сделана попытка сравнить имеющиеся исследования и практики в области миграции и представить обобщение опыта решения данной комплексной проблемы, на примере России и стран Европы.

Определенно, в развитии миграции в странах России и Европы можно отметить сходство проблем, вызванных данным явлением. Россия во многом повторяет те же ошибки, через которые прежде прошли страны Европы. Прежде всего, это угроза национальной безопасности ввиду нарушения социального баланса, культурного равноправия, развития экономической зависимости от труда мигрантов. В особенности, угрозу создает нелегальный приток мигрантов. Каковы же практические пути решения проблемы и ответа на глобальный миграционный вызов? Думается, здесь крайне важную роль может сыграть научно-историческая рефлексия.

Изучение проблемы миграции и миграционных рисков находится на пересечении нескольких подходов. Во-первых, рисковая парадигма (У. Бек) [2]. Согласно принятому определению, риск представляет собой реальную или потенциальную вероятность наступления неблагоприятных событий [4, с. 135-160]. В то же время, миграционный риск представляет собой разновидность риска, обусловленного прибытием на определенную территорию представителей иных культур [13; 18, с. 151-180; 19, с. 3-35]. Для управления рисками и их нейтрализацией необходимо, во-первых, понимать специфику данного вида рисков, факторов их развития и сокращения.

Во-вторых, методологией изучения вопроса служит системный подход (Н. Луман) [5], в рамках которого миграционные сообщества могут рассматриваться как самостоятельные системы, функционирующие внутри более широких систем – инокультурной среды.

В-третьих, культурно-исторический анализ, согласно которому миграционные процессы изучаются с позиции их исторических предпосылок и культурных особенностей.

Проблема миграционных рисков изучается с позиций рискованной парадигмы в зарубежной и отечественной науке и имеет вполне четкие методологические основания [3; 6; 14, с. 214-221; 15, с. 97-114]. В отечественной теории миграционных рисков заметное место занимает вопрос практического регулирования и разработки механизмов предупреждения миграционных рисков на основании результатов социологических и культурологических исследований [10; 12; 18, с. 151-180], в том числе, и в наших, более ранних, работах [8; 17].

Методической основой исследования, представленного в настоящей статье, выступил сравнительный культурно-исторический анализ. Он представляет собой, в данном контексте, сравнительный анализ практического опыта решения вопросов предупреждения миграционных рисков на пространствах европейских стран и России. Прежде всего, методология понимания миграционных рисков восходит к трактовке «риска» как неопределенности, слабой предсказуемости событий и определенной доли вероятности наступления неблагоприятных событий, вследствие притока мигрантов на территорию. Исходя из данного понимания, предупреждение миграционных рисков и есть путь к решению возможных проблем, вызванных миграцией. В европейской и российской практике накоплен значительный опыт в данном вопросе, что позволяет на основе научной рефлексии выявить инвариантный путь и возможные вариативные составляющие процессов, нейтрализующих миграционные риски. Авторами проанализированы различные теоретические, исторические и нормативно-правовые источники, материалы публичного дискурса, где представлен опыт решения проблем миграции в странах России и Европы.

На основе проведенного сравнительного анализа можно заключить, что в современной Европе нарастает волна право-популистского движения с характерной для него национальной риторикой. Согласно различным источникам, за такие партии в Европе проголосовали, в 2019 году, 26,8% избирателей [32]. Одним из факторов популярности партий и движений право-популистского толка, как отмечают исследователи, все более видится неэффективность иммиграционной политики Европы [22]. Она становится все более очевидным фактом, - как в экономическом и социальном, так и в культурном аспектах. Собственно, мультикультурный проект, к воплощению которого стремилась Европа, показал свою несостоятельность [1]. Этот факт отмечают как исследователи, так и политики (по замечанию Д. Кэмерона, Премьер-министра Великобритании, *«толерантность, основанная на невмешательстве в дела тех, кто отвергает западные ценности, себя не оправдала»*).¹ По данным опроса французов, именно «неверная расстановка приоритетов в выделении средств социальной поддержки» стала одним из главных факторов популярности право-популистских партий, включая «неэффективную политику в сфере аккультурации мигрантов» [20].

Анализ выступлений лидеров право-популистских партий, а также программ данных партий, показывает, что национальный вопрос занимает в них достаточно весомое место. В своих выступлениях лидеры партий призывают к необходимости «вернуть золотой век европейской цивилизации». К примеру, в Программе «Национального объединения» (до 2018 года – партия «Национальный фронт») Франции значится: *«Вернуть деньги французам, потому что на протяжении слишком многих лет наша политика обедняет*

¹ Британский премьер осудил политику мультикультурализма [Электронный ресурс] // Lenta.ru. 2011. 5 февраля. URL: <https://lenta.ru/news/2011/02/05/multicult/> (дата обращения 29.10.2021)

средний класс <...> и растрчивает государственные деньги на совершенно неконтролируемую иммиграцию».² Лидер Национального объединения Марин Ли Пен, выступая перед избирателями в 2017 году отметила важным приоритетом «возврат рабочих мест французам» («экономическая близость»)³.

Анализ программы право-популистской правящей партии «Право и Справедливость» (Польша) показал, что в ней также видна четкая ориентация на национальное доминирование и стремление к суверенизации. Ключевым моментом в ней является приоритет благосостояния коренных поляков: «Самая важная задача на ближайшие годы - быть последовательным в стремлении улучшить материальное положение поляков, поднять уровень и качество жизни».⁴

Таким образом, два представленных кейса из современной европейской политической практики позволяют сделать вывод о наличии четкой тенденции в отдельных европейских странах к обособлению и снижению значения мигрантов в социально-экономическом развитии стран.

Проанализировав ряд теоретических источников, в данной статье представим опыт решения проблем миграции и их предупреждения в отдельных европейских странах, используя кейсы Италии и Израиля.

Развитие миграционной политики Италии основано на исторических предпосылках. Они состоят в том, что Италия имеет долгую историю эмиграции (только в период с 1876 по 1976 годы она составила более 24 млн человек) [31]. При этом страна имела отрицательное сальдо миграции [8]. В 1990-е годы приток мигрантов в Италию резко стал расти, компенсируя естественную убыль населения страны. Закон Мартелли (1990) явился первой попыткой регулирования миграционных потоков через легализацию иностранных граждан [8]. По данным Istat, в 2016 году на территории страны постоянно проживали 5 144 440 иностранцев, то есть, 8,5% всего населения Италии [25]. Основной поток иммигрантов приходился все эти годы на Восточную Европу и Северную Африку [25]. Начиная с 2017 года, количество прибытий в страну резко увеличилось (составив почти 670 000 за четыре года (2013-2017)), включая рост нелегальной миграции [33]. С целью регулирования притока мигрантов в Италии повсеместно действуют «центры первичной помощи и приема» мигрантов, так называемые «хотспоты» (созданные в связи с Европейской повесткой по миграции (European Agenda on Migration, 2015)) [8, с. 110-130]. Указанные центры производят идентификацию мигрантов и оказывают им необходимую первичную помощь. Последний этап приема мигрантов связан с деятельностью «Системы защиты лиц, ищущих убежища и беженцев» (Sprar), основной функцией которой служит предложение комплексных мер по приему в страну данных категорий иностранных граждан. Основная черта данных структур – сотрудничество «третьего сектора» (некоммерческих организаций) с местными сообществами. К слову сказать, данная система сегодня не справляется с наплывом мигрантов, и помощь в ней получает лишь небольшая доля прибывших в страну иностранных граждан. Положение мигрантов в настоящее время все более ухудшается. Так, для них становится все более затруднительным получение образования. По данным официальной статистики Италии, в 2017 году более 60% иммигрантов в стране имели уровень образования «неполное среднее» или «начальное». Лишь 10% имели высшее образование [25]. Такое положение иностранных граждан вызвано, прежде всего, низким уровнем владения итальянским

² Программа партии Право и Справедливость. Официальный сайт. Доступ по ссылке: <http://pis.org.pl/dokumenty> (дата обращения 24.11.2021)

³ Президентские обязательства Марин Ле Пен (Эл. ресурс) URL: <https://inosmi.ru/politic/20170208/238691193.html> (дата обращения 23.11.2021)

⁴ Программа партии «Национальное объединение» (Эл. ресурс) Приводится по: SON/SES PROGRAMMES: Mediapart. (Эл. ресурс) URL: <http://lefrontnational.fr/sonses-programmes> (Дата обращения: 22.11.2021)

языком [28]. Кроме того, у мигрантов существуют трудности и с поступлением в школу. По данным исследования Министерства образования Италии (2018), успеваемость прибывших в страну граждан ниже, в сравнении с итальянскими гражданами, а отчисляемость из школ – заметно выше [28].

Неравнодоступность прав мигрантов фиксируется и в сфере получения медицинских услуг. Несмотря на действующее законодательство, обеспечивающее правовое равенство в получении медицинских услуг мигрантам, фактически доступ к ним заметно ограничен ввиду различных сложностей с оформлением в клиниках и пунктах оказания медицинской помощи. Это затрудняет обращение в медицинские учреждения и приводит к фактическому неравенству в получении медицинских услуг мигрантами, в сравнении с коренными жителями страны. Кроме того, получение медицинской помощи иностранными гражданами, по данным исследования Министерства здравоохранения Италии, затруднено ввиду наличия языкового барьера [29]. Для прибывших мигрантов характерна социальная эксклюзия: по данным Евростата более половины населения не из стран Евросоюза (54%), не являющихся коренными итальянцами (2016), находились за чертой бедности (эта доля выше, чем в 2010 году, на 10%) [25]. Увеличился и разрыв между гражданами стран, не входящих в ЕС, и коренными итальянцами: в 2016 году он достиг 15%, по сравнению с 8% среднего показателя в ЕС [8, с. 110-130]. Социальная проблема необеспеченности и бедности, в целом, более характерна для граждан не-итальянцев, в сравнении с коренными жителями страны.

Таким образом, приведенные данные характеризуют миграционную политику Италии как «преимущественно принимающую», однако и несовершенную. Социальная политика в области миграции, ориентированная на принятие в страну иностранных граждан и их дальнейшую поддержку, привела к ситуации неконтролируемого притока мигрантов и вызвала их сложности с адаптацией к условиям жизни в Италии.

Одним из путей предупреждения миграционных рисков выступает гражданское образование. «Обучение гражданственности» в виде программы функционирует в ряде стран Европы. Основной идеей данной программы является формирование триединства: город – мигранты – гражданство [8, с. 73-95]. Гражданское образование, по мнению зарубежных ученых, позволяет мигрантам активно включаться в процесс формирования гражданственности и расширять само гражданство [27, pp. 430-445; 23; 26, pp. 103-119], становиться «активными агентами изменений» [30]. Исследователи отмечают, что современные темпы урбанизации формируют город как единую площадку, где граждане становятся активными агентами изменений, формируя облик городов. Поскольку, по данным демографических прогнозов, темпы урбанизации будут лишь нарастать (в особенности, это касается стран Африки) [11], развитие гражданственности мигрантов (интеграция через гражданство) становится все более актуальным проектом. В подобной постановке вопроса мигранты воспринимаются не как «чужие», пассивные резиденты, но как активные субъекты, участвующие в выработке решений и регулировании проблем. Это позволяет сгладить потенциальные конфликты между коренными жителями и приезжими. В свою очередь, это подразумевает рассмотрение миграции не как эпизодической чрезвычайной ситуации, а скорее, как структурного факта. Город представляет собой реальное место, где формируется миграционный поток [8, с. 73-109]. Под гражданством в этом случае подразумевается не просто его правовой или демографический аспект, – оно воспринимается как многогранная (социальная, политическая, культурная, экономическая, геополитическая, административная) концепция [8, с. 73-109]. В этом смысле гражданское образование несет миссию смягчения неравенства и повышения социальной мобильности для всех граждан, включая иностранных [21, pp. 367-414].

Успешный опыт работы с мигрантами представлен в государстве Израиль. Миграционная политика Израиля является, по преимуществу, принимающей. Вместе с тем, эта европейская страна является ограниченно открытой страной, поскольку прибытие на постоянное место жительства возможно по Закону о Возвращении.⁵ Одним из основных принципов миграционной политики здесь является принцип интеграции. Интеграция прибывших иностранных граждан, испытывающих сложности с адаптацией и социализацией, одновременно выступает одной из главных целей социального работника в работе со случаями. В процессе социальной интеграции немаловажную роль играет Институт национального страхования, позволяющий путем ассигнований из бюджета государства улучшить и стабилизировать материальное положение конкретной семьи. Для системы социальной работы с прибывающими гражданами характерен высокий уровень участия «третьего сектора» - общественных организаций («Амута»), – так в Израиле называют организации, не получающие доход от своей деятельности и берущие на себя общественные обязательства). В сфере развития межсубъектного (межведомственного) взаимодействия – высокий уровень развития социального партнерства: система «муниципалитет – частные /общественные фонды – бизнес - общественные организации - активисты внутри сообщества - добровольческий сектор». Социальное развитие репатриантов выступает одним из важных направлений социальной работы в Израиле.

Одной из важных особенностей социальной работы с мигрантами в Европе, и, в частности, в Израиле, служит активное развитие так называемого «третьего», - некоммерческого сектора. В Израиле его развитие получило широкий размах, и основано на национальных традициях взаимопомощи и общинной поддержки. «Третий сектор» является активным инициатором социальных проектов и услуг, которые затем финансируются государственным сектором. В данном случае можно говорить об инициативе «снизу», что обуславливает общественный характер социальных услуг. Как правило, данный сектор представлен общиной. Кроме того, в Израиле функционирует «четвертый сектор» - достаточно уникальное явление социальной сферы. По сути, он коммерциализирует социальные проекты, но доходы от реализации бизнес-проектов направляет на развитие общественных инициатив, на оказание социальной поддержки и помощи нуждающимся. По разным данным, в Израиле в этом секторе функционирует около 100 подобных заведений различной направленности и сфер деятельности. Между личностью и государством находится сообщество, община. Это и есть «третий путь», - развитие «комьюнитаризма», где основной акцент делается на общину.

Отделение городской социальной службы проводит следующие виды общинной работы с репатриантами: выявление и интеграция граждан на основе общей проблемы; активизация внутренних ресурсов личности, привлечение ближайшего окружения к оказанию поддержки вновь прибывшей семье; политическая общинная работа несет общественное мнение и помогает людям вносить изменения в общественную политику. Принципы общинной работы - принцип «укрепления личности»; принцип участия и соучастия (привлечение, участие, партнерство). Ярким примером может служить опыт городской социальной службы города Решион Ле Цион (проект «Группа помощи родителям новых репатриантов»).

Таким образом, в свете европейского опыта проведения работы по предупреждению миграционных рисков следует говорить о тенденции к работе по интеграции и социальной адаптации прибывающих в страну иностранных граждан. Россия – страна с исторически сложившимися многонациональными традициями, открытостью границ для миграции

⁵ Закон о Возвращении (рус. пер.) (эл. ресурс) Доступ по ссылке: <https://main.knesset.gov.il/ru/activity/pages/law.aspx?LawId=1> (дата обращения: 16.12.2021)

населения. Предупреждение миграционных рисков в России имеет несколько иные основания. Данную работу предлагается рассмотреть на нескольких кейсах: Красноярский край, Волгоградская область и Республика Татарстан.

Исследователь Д. О. Труфанов предлагает использовать трехуровневую модель миграционного пространства региона [15, с. 97-114]. Автор и творческий коллектив под его руководством, на результатах исследования, проведенного в Красноярском крае, демонстрируют возможности оценки миграционных рисков в регионе и создания карты миграционных рисков. Данная модель выстроена на основе теоретических принципов универсального подхода в социологии, разработанного В. Г. Немировским [9]. С точки зрения данного подхода, первый уровень миграционного пространства региона выражает:

- 1) количество иностранных (инокультурных) мигрантов в регионе, их этнические и культурные особенности,
- 2) особенности размещения мигрантов на территории, наличие мест компактного проживания,
- 3) наличие диаспоры и ее размер,
- 4) уровень обеспеченности мигрантов основными социальными ресурсами – медицинской и социальной помощью, юридическим сопровождением, доступом к необходимым благам [15, с. 97-114]. На этом уровне возникают характерные для него миграционные риски, которые во многом обусловлены слабым знанием русского языка [8, с. 35-60]. На втором уровне миграционного пространства существуют риски, связанные с организацией и практиками социальных взаимодействий с участием мигрантов в регионе. Исследования свидетельствуют, что актуальными рисками данного уровня в настоящее время выступают затруднения в функционировании социальных сервисов, нацеленных на обслуживание прибывающих в регион мигрантов (миграционная служба, сервисы по оформлению документов и др.); конфликтный характер отношений иностранных мигрантов с принимающим социумом [10]. Миграционные риски третьего уровня приобретают особую актуальность в современном информационном обществе. Они связаны с образами «Другого» в представлении сообществ мигрантов и принимающего общества, сквозь призму отношения к этническим характеристикам мигрантов.

Для Волгоградской области исследование миграционных рисков представляется особенно важным, поскольку регион занимает приграничное положение и имеет ряд особенностей [8, с. 131-160]. Важная особенность Волгоградской области – её объективная потребность в иммигрантах. По данным Волгоградстата, в 2017 году в Волгоградскую область прибыло 60 391 человек, в 2018 году из области уехали почти 68 000 человек [16]. По официальным данным статистики, прибывающее население не компенсирует выбывающее население. Выбывающее население из региона находится в трудоспособном возрасте, в основном это квалифицированные, высокообразованные кадры. Иммиграционный поток в регион составляют мигранты из Казахстана и Узбекистана, Украины, Армении, Азербайджана. Население, прибывающее в регионы, имеет в основном среднее и среднее профессиональное образование [7]. Анализируемые статистические и социально-экономические данные позволяют определить Волгоградскую область как «убывающий» и транзитный трансграничный регион, где, как показывает проведенное исследование, есть вероятность возникновения конфликтов принимающего и прибывающего населения и, в силу этнического состава, имеющих межэтнический характер.

Автор Ю. А. Дроздова констатирует факт роста негативизма в отношении прибывающих в область иностранных граждан. Если, по данным 2008 года, при проведении пилотажного исследования в УФМС по Волгоградской области 61,5% принимающего населения относились к иммигрантам «уважительно, пока не задевается достоинство собственной

национальности» и 38,5% считали, что «миграция создает множество проблем для коренного населения»,⁶ то в 2016 году данные изменились. Среди принимающего населения появились люди, которые не скрывают своего негативного отношения к представителям других национальностей. Динамика наблюдается и в ответах иммигрантов: уменьшилось количество респондентов, считающих многонациональный состав региона ценностью (с 86,9% до 52,6%), вырос процент респондентов, выбравших ответ «уважительно, пока не задается достоинство моей национальности» (с 9,5% до 26,7%).⁷ Иммигранты, принявшие участие в исследовании, отмечали определенную структурную дискриминацию и ограниченность возможностей для занятия более высоких, статусных позиций в общественной структуре. Это означает, что фактически можно говорить об эксклюзивных миграционных практиках, дистанцирующих мигрантов к общинности и диаспорному характеру их проживания. Названный выше рискогенный фактор определяет другой риск, связанный со слабой мотивацией к адаптации и интеграции мигрантов в принимающее сообщество. Так, автор Ю. А. Дроздова отмечает, что прибывающее население, работая в качестве овощеводов и на других сельскохозяйственных работах в Волгоградской области, ставит основной целью сезонный заработок и не стремится интегрироваться в местные сообщества. Это происходит также ввиду слабого знания языка. Тем самым, в основном, взаимодействие иммигрантов происходит с представителями своей национальности [8, с. 131-160]. Указанные риски, в свою очередь, порождают риски нового уровня – криминогенные. В основном, данную группу рисков удается нивелировать за счет ужесточения регионального законодательства, однако это не может сыграть роль полноценного стабилизатора. Очевидно, что требуется комплексный и всесторонний подход к управлению миграционными рисками в регионе.

Миграционные процессы имели серьезное значение для развития Республики Татарстан в 2012-2018 гг., поскольку в этот период фиксируется высокий приток иностранных граждан в регион. Это означает, что от коренного населения республики требуется высокий уровень толерантного отношения к приезжим, вне зависимости от их этнической принадлежности. В данном аспекте, республика обладает опытом, но для более глубокого познания социальных механизмов адаптации требуется обращение к результатам исследований.⁸

Результаты исследования показали [8, с. 201-288], что уровень адаптации мигрантов на территории республики является средним (посредственным). Он варьируется по различным этническим группам, но не столь значительно. Большинство мигрантов позитивно настроены на установление дружеских контактов с местным населением, в средней степени адаптированы к условиям поиска работы и занятости, вполне комфортно чувствуют себя в инокультурной среде. Однако лишь небольшая доля мигрантов выражает желание остаться жить на территории республики в дальнейшем. Большинство мигрантов указали на наличие каких-либо сложностей в процессе адаптации в инокультурной среде. Можно выделить следующие группы мигрантов: группа гибкой

⁶ Опрос проводился автором в январе – марте 2008 года в Управлении федеральной миграционной службы по Волгоградской области (n=100). Приводится по: [8, с. 131-160]

⁷ Опрос проводился под руководством автора в рамках реализации гранта РФФИ № 16-13-34011 «Миграционные риски в полиэтничном регионе: социолого-управленческий анализ» (n = 500, жители Волгоградской области, июль – август 2016; n= 150, мигранты, прибывшие в Волгоградскую область). Приводится по: [8, с. 131-160]

⁸ Исследовательский массив был представлен иностранными гражданами и гражданами РФ, приехавшими из различных стран и регионов в Республику Татарстан (внутренними и внешними мигрантами). Опрошено 47% юношей (мужчин) и 53% - девушек (женщин). Основная масса опрошенных – в возрасте до 35 лет - 51%. Большинство респондентов проживают на территории Республики Татарстан менее одного года. Общее число опрошенных составило 1026 человек. Период проведения исследования – 2018-2019 гг. Подробнее см.: [8, с. 201-288]

адаптируемости (10-15%); группа средней адаптируемости (65-75%); группа жесткой адаптируемости (15-20%).⁹ Результаты исследования показали, что наличие дружеских отношений с представителями коренного населения республики является важным фактором социального самочувствия мигрантов. Данный фактор оказывает прямое влияние и на стремление остаться жить в республике.

Предупреждение конфликтов между мигрантами и принимающей стороной становится все более актуальной проблемой современных обществ. Примеры стран ЕС позволяют сделать вывод о необходимости прогнозирования и планирования миграционных процессов. Это позволяет избежать значительных рисков как для местного, принимающего населения, так и для прибывающих в регион мигрантов. Проведенный анализ исследовательских кейсов и практического опыта показал наличие позитивных практик в европейском и евразийском пространствах, что позволяет интегрировать полученный опыт и транслировать его в масштабе регионов Российской Федерации, а также и за рубежом.

Сравнительный анализ европейского и российского опыта предупреждения миграционных рисков позволил сделать ряд выводов. Европейский опыт основан на привлечении социальной поддержки в адаптации прибывающих иностранных граждан, на разработке социальных программ активизации внутренних ресурсов самих мигрантов. Однако данный опыт реализуется недостаточно, в связи с чем, сегодняшние реалии жизни мигрантов демонстрируют наличие ряда серьезных проблем. Помимо собственно социальных проблем, связанных непосредственно с мигрантами, значительно возрастает бремя социальных выплат прибывающим иностранным гражданам, что ослабляет муниципальные бюджеты европейских стран и повышает негативное восприятие мигрантов местным населением.

Российский опыт социальной работы с мигрантами, чаще всего, ограничивается социальной помощью, включающей содействие в трудоустройстве, адаптации, оказании различной поддержки семьям с детьми. Указанная социальная работа фактически не предусматривает активизацию личностных, общинных ресурсов мигрантов и является, по преимуществу, патерналистской. Вместе с тем, согласно результатам исследований в регионах (см. выше), эта поддержка остается минимальной и недостаточно эффективной; серьезной проблемой остается незнание мигрантами языка страны прибытия. Мигранты, тем самым, являются группой риска, поскольку слабо адаптированы к жизни в инокультурной среде и принимающем социуме. Регулирование возникающих потенциальных рисков осуществляется посредством ужесточения законодательства.

Сравнительный анализ показал наличие схожих проблем и возникающих рисков. Однако европейские страны значительно раньше столкнулись с комплексом данных проблем и раньше стали заниматься их регулированием. В результате, определенные риски удается нивелировать. Однако и теперь нельзя считать меры, принимаемые в отношении мигрантов, достаточными и эффективными. Об этом свидетельствует невысокий уровень жизненного благополучия мигрантов, в разрезе ряда показателей (адаптация, уровень жизни, возможность получения медицинской помощи, образования, социальных услуг, работы). В России имеются значительные резервы в развитии миграционной политики, высок нереализованный потенциал предупреждения миграционных рисков.

Процессы предупреждения миграционных рисков в России и Европе имеют сходства и различия, основанные, прежде всего, на исторических предпосылках и традиционных

⁹ Подробнее о методике диагностики см.: [8, с. 201-288]

идеях к управлению обществом. В странах Европы регулирование миграционных процессов обусловлено практикой развития гражданственности и гражданских прав, в то время как в России традиции гражданского общества довольно слабы. В то же время, и Европа, и Россия образуют поликультурные и полиэтничные пространства с высокой степенью ассимиляции и аккультурации различных этнических групп, что позволяет выявить также и сходства в реализуемой миграционной политике.

На основе сравнительного анализа кейсов России и Европы можно сделать вывод о схожести проблем, вызванных прибытием иностранных граждан на территорию государств. И Европа, и Россия являются, по преимуществу, принимающими сторонами, и приток мигрантов на территорию стран становится выше и все менее управляемым. Интеграция усилий по управлению миграционными рисками на основе их всестороннего исследования и прогнозирования, в режиме мониторинга, является единственно целесообразным направлением совместного решения проблем миграции.

Список литературы

1. Арбатова Н. К. Прибытие задерживается [Электронный ресурс] // Коммерсант.ru. 2015. 29 июня. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2748082> (дата обращения 19.09.2021)
2. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
3. Бришполец К. Бабаджанов А. Миграционные риски стран Центральной Азии: Аналитические записки. Выпуск 2(22) (февраль 2007). Научно-координационный совет по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России. М., 2007.
4. Луман Н. Понятие риска // THESIS. 1994. № 5. С. 135–160.
5. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Пер. с нем. И. Д. Газиева; Под ред. Н.А. Головина. СПб.: Наука, 2007. 390 с.
6. Массей Д. Синтетическая теория международной миграции // В сб. Мир в зеркале международной миграции: Научная серия: международная миграция населения: Россия и современный мир / Гл. ред. В. А. Ионцев. М., 2002. Вып.10. С. 131-154.
7. Миграционные процессы современной России: политическое прогнозирование в управлении. Учебно-методическое пособие / Е. Л. Рябова, Т. М. Бормотова, А. Ф. Радченко, Т. Р. Суздалева. Международный издательский центр «Этносоциум», 2015. 154 с.
8. Миграционные риски как фактор возникновения конфликтов: евразийский и европейский опыт решения: Монография / Под общ. ред. Р. Р. Фахрутдинова, В. Т. Сакаева, О. Л. Панченко / Р. Р. Фахрутдинов, В. Т. Сакаев, Р. И. Измайлов и др. Казань: Издательство Казанского университета, 2020. 252 с.
9. Немировский В. Г. Универсальный подход к динамике социальных систем: анализ и прогнозирование: монография / В. Г. Немировский, В. И. Кудрявцева. Красноярский гос. ун-т, Белорусский гос. ун-т. Красноярск: Минск, 2003. 158 с.
10. Отношение взрослого населения Красноярского края к представителям других национальностей, иностранным трудовым мигрантам и национальному экстремизму (по результатам социологических исследований, апрель-май 2015 г.) // Информационный бюллетень по вопросам межэтнических, межконфессиональных и миграционных отношений в Красноярском крае. № 9. Красноярск: Поликор, 2015. 160 с.
11. Перспективы мировой урбанизации: пересмотр 2018 года // Организация Объединенных Наций. Департамент по экономическим и социальным вопросам. Отдел народонаселения (2018 год).
12. Практика взаимодействия сибирского региона в сфере реализации государственной национальной политики: поликультурная образовательная платформа Сибирского федерального университета: коллективная монография / Отв. ред. О. Г. Смолянинова. Красноярск: Гротеск, 2016. 236 с.

13. Риск в социальном пространстве / Под ред. А. В. Мозговой. М.: Изд-во Института социологии РАН. 2001. 347 с.
14. Сакаев В. Т. Миграции в Российской Федерации в XXI веке: социально-политические риски // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. Кн. 1. С. 214-221.
15. Труфанов Д. О., Рафиков Р. Г. Миграционное пространство региона и его деформации // *Siberian Socium*. 2018. Том 2. № 1. С. 97-114.
16. Уезжать стали чуть меньше: Волгоград остался городом, из которого бегут. URL:[http:// v1.ru/text/gorod/66053068/](http://v1.ru/text/gorod/66053068/) (дата обращения 25.10.2021).
17. Фахрутдинов Р. Р., Панченко О. Л. Мигранты-мусульмане в евразийском пространстве: риски адаптации и предикторы конфликтов // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2021. – Т. 12. – №5(103). – URL: <https://history.jes.su/s207987840015993-1-1/> DOI : 10.18254/S207987840015993-1
18. Шлыкова Е. В. «Риск» как фактор интолерантного отношения к мигрантам // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2010. № 30 (январь-июнь). С. 151-180.
19. Яницкий О. Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. №1. 2003. С. 3-35.
20. Betz H.-G. The Extremes Win Today's Elections // Centre for Analysis of the Radical Right CARR. 2020. 1 February. URL: <https://www.radicalrightanalysis.com/2020/02/01/the-extremes-win-todays-elections/> (дата обращения: 25.11.2021)
21. Corak M. (2016). 'Inequality is the root of social evil,' or Maybe Not? Two Stories about Inequality and Public Policy. *Canadian Public Policy*, 42(4), Pp. 367-414.
22. Gold R., Fetzer Th. Die ökonomischen Ursachen des Populismus. *Kiel Institut für Weltwirtschaft*. 2019. November. URL: <https://www.ifw-kiel.de/index.php?id=13458&L=1> (дата обращения: 21.11.2021).
23. Isin Engin F. (2017). Enacting International Citizenship. In T. Basaran, Didier Bigo, E.-P. Guittet & R. B. J. Walker (Eds.). *International Political Sociology: Transversal Lines*. London: Routledge.
24. Isin Engin F. (2017a). Performative Citizenship. In A. Shachar, S., Bauböck, R., Bloemraad, I., Vink, M. (Ed.), *The Oxford Handbook of Citizenship* Oxford: Oxford University Press. Pp. 500-523.
25. Istat (2017). *Bilancio demografico nazionale al 31 dicembre 2016*.
26. Lin A. R., Fahey Lawrence, J., & Snow, C. E. (2015). Teaching urban youth about controversial issues: Pathways to becoming active and informed citizens. *Citizenship, Social and Economics Education*, 14(2), 103–119.
27. Menezes I. (2003). Participation experiences and civic concepts, attitudes and engagement: implications for citizenship education projects. *European Educational Research Journal*, 2(3), 430-445.
28. Ministero dell'Istruzione, dell'Università e della Ricerca (2018). *Gli alunni con cittadinanza non italiana, A. S. 2016/2017*.
29. Ministero della Salute e Istat (2014). *Cittadini stranieri: condizioni di salute, fattori di rischio, ricorso alle cure e accessibilità dei servizi sanitari*
30. Pinkett R. D. (2000). *Bridging the digital divide: socio-cultural constructionism and an asset-based approach to community technology and community building*. Paper presented at the 81st Annual Meeting of the American Educational Research Association (AERA). April, New Orleans, USA.
31. Rosoli G. (1978). *Un secolo di emigrazione italiana 1876-1976*. Roma: Cser.
32. Timbro Authoritarian Populism Index 2019. URL: <https://populismindex.com/report/> (дата обращения: 22.11.2021)
33. Villa M., Emmi V., Corradi E. (2018). *Migranti: la sfida dell'integrazione*. ISPI/CESVI: Milano.